

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Ли Чжухонга «Категория будущего времени в русском языке: взаимодействие с видом и модальностью» (М., 2016. 147 с.),
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Настоящее исследование Ли Чжухонга обращено к проблемам традиционной грамматики, описание которой достаточно полно представлено в отечественной лингвистической литературе, как в части описания собственно грамматических категорий, так и в плане их взаимодействия. Поэтому обращение в очередной раз к данной проблематике вызывает, прежде всего, вопрос *об актуальности темы* исследования. Оценивая ее, важно осознавать, что актуальность той или иной темы исследования определяется порой не понятиями «старая» или «новая» проблема обсуждается в работе, а тем, насколько языковой объект и предмет его описания связаны с решением современных задач лингвистики, включены во взаимосвязи с подходами, которые развивают традиционную проблематику.

Таким аспектом, который позволяет увидеть новые стороны проблемы межкатегориальных связей в языке и речи на современном этапе развития русистики, оказывается их рассмотрение в аспекте приоритетного развития корпусной лингвистики, представленной речевым материалом, прежде всего, НКРЯ. Как отмечает соискатель, «количественные исследования морфологии русского языка с использованием методов автоматической обработки текстов являются важной и актуальной задачей современной лингвистики (с.8). Методы корпусной лингвистики позволяют определить частотность форм будущего времени в зависимости от вида, а также имплицитное выражение формами будущего времени разнообразных модальных значений, их типы, а также зависимость выражения модальной семантики от межкатегориальных связей изучаемых форм и условия ослабления их модальности (с.5-6). Поэтому «очередное» обращение к взаимодействию категорий *актуально* не в плане постановки проблемы, а *с точки зрения ее решения* в аспекте приоритетного направления описания русского языка.

Более того, исследование Ли Чжухонга достаточно убедительно и наглядно показывает, что бытующее мнение о том, что традиционные методы и подходы к описанию языковых явлений исчерпали свои исследовательские возможности и вследствие этого традиционная проблематика не является актуальной, на наш взгляд, не отражает объективного состояния исследовательской базы языка и речи. В данном случае есть все основания считать, что диссертация выполнена в рамках теорий, *развивающих* одну из центральных проблем традиционного языкознания – проблему взаимосвязи и взаимодействия грамматических категорий.

Привлечение материалов НКРЯ и на их основе количественных данных позволяет не только осмыслить современное состояние русской речи, но и определить закономерности и эволюцию в развитии межкатегориальных связей в том или ином направлении. Это в какой-то степени даст возможность прогнозировать возможные *качественные изменения* в грамматической системе русского языка. Как справедливо отмечает соискатель, «с помощью таких исследований можно проверить, насколько системно-структурная грамматика и разнообразные теории об устройстве, семантике и функциях грамматических категорий соответствуют функционально-количественным данным об употреблении грамем (по отдельности и в комбинации с другими граммами) и морфологических форм в русском языке» (с. 8). В этом случае мы имеем в изучении традиционных аспектов *развитие*, которое оказывается *системно востребованным* для новых подходов. При этом соискателю удалось выделить и описать тот аспект, который, при всей изученности представленной проблемы в целом, оказался недостаточно полно описанным. Это позволяет получить новые системные знания, которые, несомненно, будут востребованы исследователями в разных областях лингвистики и тем самым обеспечат *поступательное развитие русистики* в целом или отдельных ее направлений.

Таким образом, *актуальность* представленной к защите работы не вызывает сомнений как в контексте ее связи с одним из приоритетных направлений описания языка – корпусной лингвистикой, так и в контексте развития собственно традиционной грамматики. В своем единстве они дополняют друг друга и тем самым определяют объективность, полноту и системность описания языкового объекта в целом, что обеспечивает исследованию Ли Чжухонга не только *актуальность*, но и *методологическую состоятельность*.

Определение объекта и предмета исследования в целом оказываются соотносенными друг с другом, хотя обращает на себя внимание суженное определение предмета исследования по сравнению с его целью. Ср.: «**Предметом** исследования выступают модальная семантика и частотность форм будущего времени СВ и НСВ» (с.7), тогда как «**Цель** исследования состоит в том, чтобы выявить и описать взаимосвязи граммы будущего времени с видом *и модальностью* в русском языке (с учетом данных корейского языка)» (с.7) (выделено курсивом – А.Ш.). В данном случае связь с модальностью как *самостоятельной категорией* (на что нацеливает тема исследования) оказывается, по существу, не включенной в предмет исследования, поскольку «модальная семантика форм будущего времени» и категория модальности являются разноуровневыми сущностями.

Что же касается выбора в качестве *объекта исследования* форм будущего времени и их межкатегориальных связей, то этот выбор не вызывает сомнений и определяется значимостью взаимодействия категорий времени, вида и модальности как важнейших грамматических категорий в русском языковом сознании, с которыми связаны наибольшие трудности в

усвоении и изучении грамматической системы русского языка в коммуникативном аспекте.

В принципе положительно следует оценить рассмотренные в работе исследовательские задачи, которые сориентированы на достижение поставленной цели и имеют систематизирующий характер. Поэтому в своем единстве предмет, цель и задачи исследования, а также положения, выносимые на защиту, соответствуют специальности «русский язык».

Не вызывает сомнений обоснованность результатов и выводов языковым материалом, а также источники его отбора.

Правомерным, в целом, представляется композиционное построение диссертации, которое отражает основные исследовательские задачи и позволяет последовательно реализовать цель работы и положения, выносимые на защиту. При этом важно и ценно то, что мы имеем специальную главу, в которой обосновывается выбор автором терминологического аппарата и его понятийного содержания. Это позволяет оценить более или менее объективно реализацию принятых теоретических положений с точки зрения непротиворечивости и объяснительной силы. Правда, в этой части работы обращает на себя внимание весьма лаконичный способ представления теоретического материала, особенно по тем или иным актуальным и спорным вопросам. Ли Чжухонг избегает авторского многоголосия по проблеме, предпочитая выбор исследователей, в работах которых наиболее ярко и полно представлен взгляд на обсуждаемую проблему (например, взгляды В.В.Виноградов, А.М.Ломова и Ю.С.Степанова по вопросу семантики модальности и ее типов [с.29 -32]). Но при этом, к сожалению, отсутствует, как правило, собственно авторская мотивация в выборе той или иной позиции. В этой части диссертации мы не имеем, скорее всего, объяснительного подхода к изложению теоретических вопросов. В принципе, такой описательный подход достаточно часто представлен в кандидатских диссертациях. Учитывая сложность в аналитической проработке данного грамматического материала не носителем русского языка, мы не рассматриваем такой способ подачи теоретических вопросов принципиально неприемлемым, поскольку для понимания теоретических основ исследования он, на наш взгляд, оказывается достаточным. Поэтому, в целом, можно отметить, что основные теоретические положения осмыслены соискателем, систематизированы и нашли реализацию в языковом материале.

Относительно степени новизны исследования отметим, что она соответствует в полной мере уровню кандидатских диссертаций. В работе представлены как результаты, определяемые понятием «впервые», так и результаты, подтверждающие в той или иной мере положения лингвистических теорий предшественников в плане развития идей о функционировании грамматических категорий и их взаимодействии.

Правда, некоторой корректировки требует, на наш взгляд, оформление позиции о научной новизне работы (с. 9-10). Думается, на первом месте в ней должна быть информация о том, что новым в работе является применение

количественных методов изучения частотности форм будущего времени в русском языке, а не результаты сравнения с корейским языком, поскольку работа выполнена (и в этом нет сомнений) в рамках специальности «русский язык», а не сопоставительного языкознания.

Несомненно, наиболее значимые результаты связаны с детальным языковым анализом на основе применения количественных методов изучения частотности форм простого и аналитического будущего времени в их взаимосвязи и взаимодействии с видом и модальностью. Прежде всего установлено, что формы простого будущего в русском языке употребляются значительно чаще, чем формы аналитического будущего времени (частотность первых превышает частотность вторых в 14,7 раз). Это закономерно связано с результатами анализа зависимости частотности глаголов НСВ в форме будущего времени с разной морфемной структурой.

В отношении с видом выявлено на материале НКРЯ, что глаголы НСВ обладают большей частотностью, чем глаголы СВ. Это, как справедливо отмечает соискатель, соответствует немаркированному характеру несовершенного вида в видовой оппозиции.

В отношениях форм будущего времени с модальностью количественный анализ свидетельствует о большей частотности в плане будущего времени эпистемической и волитивной модальности по сравнению с потенциальной модальностью. При этом закономерным явилось подключение категории лица для установления модальных значений. На наш взгляд, именно лицо как субъект высказывания определяет отношение высказывания к действительности. Это, в принципе, и представлено в результатах исследования Ли Чжухонга, которые свидетельствуют об интерпретирующем характере модальности, о значительной частотности форм 1-го лица, определяющих конкретные модальные значения в формах будущего времени (с. 94). Но в целом «количественный анализ употребления форм будущего времени в НКРЯ в зависимости от формы лица показал, что наибольшей частотностью обладают формы 3-го лица» (с. 93). На наш взгляд, это закономерно, учитывая, как и в случае с видом, немаркированный характер 3-лица в системе категории лица.

Интересными и в исследовательском плане перспективными являются результаты взаимодействия будущего времени и модальности в сложных типах высказывания, в которых мы имеем по существу динамику в варьировании модальности, вплоть до полного ее ослабления при относительном употреблении форм будущего времени. Эти результаты могут быть истолкованы в рамках теории нейтрализации.

Анализ языкового материала позволил увидеть постановку одной из важнейших проблем в описании взаимодействия грамматических категорий, связанную с эксплицитностью и имплицитностью выражения языковых и речевых значений, с соотношением эксплицитности и имплицитности в рамках функционально-коммуникативной грамматики.

Положения, выносимые на защиту, сориентированы на цель и задачи исследования и подтверждены результатами языкового анализа.

Что же касается *практической значимости*, то она бесспорна и, в принципе, достаточно обоснованно представлена в соответствующих позициях диссертации и АКД, хотя еще добавили бы использование результатов в спецкурсах по корпусной лингвистике и в лексикографической практике.

В заключение отметим ряд *замечаний и пожеланий*, а также ряд *наших рассуждений*, связанных с обсуждаемой проблемой и позволяющих соискателю соотнести их со своей позицией, что даст возможность членам диссертационного совета оценить Ли Чжухонга как участника научной дискуссии, а самому соискателю - увидеть возможную корректировку и перспективы своего исследования.

1. Как отмечалось в отзыве, существенным для осмысления взаимодействия форм будущего времени с модальностью оказывается употребление этих форм в тех или иных формах лица (с. 92 – 100). Так, по мнению Ли Чжухонга, «модальное значение намерения чаще выражается в формах будущего времени 1-ого лица, модальное значение уверенности – в формах будущего времени 3-го лица. Употребление форм будущего времени НСВ и СВ без модальных значений чаще встречается в формах 3-его лица» (с. 11). Важность и результативность анализа этого взаимодействия представлена в Положении № 4, выносимом на защиту, и в задачах исследования. Думается, значимость этой части работы вполне могла бы претендовать на ее отражение в названии темы, предмете и цели исследования.

2. На с. 17 соискатель, рассматривая проблему иерархических отношений в системе грамматических категорий, склонен принять точку зрения, согласно которой «самое высокое положение в этой иерархии принадлежит глагольной лексеме, точнее ее основе, а *вид выражается именно основой*, поэтому большинство исследователей в иерархии глагольных категорий ставит *вид выше времени*» (с. 17). В связи с этим вопросы: Как определяется соискателем основа слова (словоформы)? Если основу связывать с лексичностью, то означает ли это, что лексичность в грамматической системе обладает большим статусом по сравнению с грамматичностью времени и наклонения?

3. В работе присутствуют факты зависимости частотности СВ и НСВ в плане будущего от лексического значения глагола. Это нашло отражение и в Положении № 1, выносимом на защиту. Представлялось бы целесообразным для утверждения данного взаимодействия *взять глаголы разных семантических групп* и тем самым более полно и системно отразить результаты взаимодействия глагольной лексики и грамматики.

4. Время и модальность имеют наряду с грамматическими средствами и лексические средства, а вид? Какую роль играют лексические средства во взаимодействии форм будущего времени с видом и модальностью?

5. Модальная семантика будущего времени – это его системное или функциональное значение? Отражается ли каким-то образом данный

характер значения будущего времени во взаимодействии языковой эксплицитности и имплицитности, представленных рассматриваемыми категориями?

Завершая отзыв, отметим, что некоторые наши рассуждения и вопросы могли явиться следствием неоднозначного понимания соискателем и официальным оппонентом некоторых понятий и положений. Но поскольку различное понимание все же возникает, то, наверное, следует обратить внимание на эти рассуждения в дальнейшем, в плане уточнения и возможной корректировки исследовательской позиции.

Таким образом, в целом, мы считаем, что исследование Ли Чжухонга – это самостоятельное завершённое исследование, связанное с осмыслением актуального языкового материала в рамках корпусной лингвистики как одного из приоритетных научных направлений. Полученные результаты имеют как теоретическую значимость, так и практическую ценность, могут быть использованы в преподавании русского языка и русского языка как иностранного, в спецкурсах по корпусной лингвистике и в лексикографической практике (в грамматических словарях-справочниках). Общие выводы в целом закономерны, подтверждены языковым материалом и сориентированы на положения, выносимые на защиту. Автореферат и публикации отражают основополагающие результаты исследования.

Общий вывод. Исследование Ли Чжухонга «Категория будущего времени в русском языке: взаимодействие с видом и модальностью» представляет собой научно-квалификационную работу, имеющую существенное значение для развития русистики в области грамматики, и *соответствует критериям*, установленным пп. 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а соискатель, **Ли Чжухонг**, заслуживает присуждения искомой *ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.*

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка,
русской и зарубежной литературы, журналистики
Гамбовского государственного университета

А.Л.Шарандин

ФГБОУ ВО «Гамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
Подпись *А.Л. Шарандин*
ЗАВЕРЯЮ
Начальник управления кадровой политики
Корова
3 28 10 20 16 г.

Сведения об оппоненте

Шарандин Анатолий Леонидович

доктор филологических наук

(специальность 10.02.01 – русский язык), профессор

Эл. адрес: sharandin@mail.ru

Почтовый адрес: 392024 Тамбов, ул. Рылеева, д.73, корп. 2, кв. 40

Тел.: 8-910-755-1739

Сведения об организации

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет» им. Г.Р.Державина»

Адрес: 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.

Тел.: 8(4752) 72-34-34

E-mail: post@tsutmb.ru

Публикации официального оппонента, имеющие отношение к теме диссертации Ли Чжухонга:

Статьи в журналах из перечня ВАК РФ

Шарандин А.Л. Лексическая категоризация времени и ментальность // Вестник Волгоградского университета. Серия 2: Языкознание. Вып. 2. Волгоград: ВолГУ, 2011 С. 11-16.

Шарандин А.Л. Временная и видовая глагольные системы русского языка – на службе русской поэзии (М.Лермонтов. «Бородино») // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 2 (106), Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2012. С. 94-103. (соавторы: В.Г.Руделев, О.А.Руделева)

Шарандин А.Л. Категория лица и числа русского глагола в аспекте взаимодействия лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса // Когнитивные исследования языка. Вып.13: Ментальные основы языка как функциональной системы. М.-Тамбов: ИЯ РАН, ТГУ, 2013 С. 406-418.

Шарандин А.Л. Когнитивно-дискурсивный потенциал глагольного слова и его словарное представление // Когнитивные исследования языка. Вып. 20: От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению. М.-Тамбов: ИЯ РАН, ТГУ, 2015. С. 167-177.

Публикации в других изданиях

Шарандин А.Л. Русский глагол: комплексное описание. Тамбов: ТГУ, 2009. 589 с. (монография)

Шарандин А.Л. Языковая категоризация времени как отражение русской ментальности // Слово в языке и тексте. Волгоград: ВолГУ, 2011. С. 367-383.

Шарандин А.Л. Лексическая грамматика и функционально-коммуникативная грамматика в аспекте их соотношения // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып.47. М.: МГУ, 2013. С.558-571.

Шарандин А.Л. Слово и формы слова: деривационные типы, лингвистическая значимость и функции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 207-213.